

Оглавление

Введение.....	5
Глава I. Синонимия устойчивых сравнений как феномен компаративной семантики.....	10
§ 1. Теоретические основы исследования: аспекты анализа синонимии в сфере фразеологии.....	10
§ 2. Специфика синонимии устойчивых сравнений	47
Глава II. Синонимические ряды в составе тематических групп устойчивых сравнений	94
§ 1. Идеографический подход к анализу компаративной фразеологии	94
§ 2. Структура тематических групп УС (общая характеристика синонимических рядов).....	114
§ 3. Общая характеристика периферийных ТГ.....	184
Глава III. Семантические отношения между словами, выражающими образ (компонент В), в составе синонимических рядов УС.....	194
§ 1. Синонимические отношения.....	197
§ 2. Отношения между членами одной тематической группы	210
§ 3. Отношения между словами одного лексико-семантического поля	222
§ 4. Отношения между разнокорневыми формами одного слова.....	225
§ 5. Родо-видовые отношения	227
§ 6. Эпидигматические отношения.....	230
§ 7. Образы сравнений в многочленных синонимических рядах УС	231
Глава IV. Синонимические и антонимические отношения в системе УС: проблема взаимосвязи.....	251

§ 1. Некоторые дискуссионные вопросы антонимии в системе компаративной фразеологии	251
§ 2. Антонимия в системе УС, не имеющих синонимов	261
§ 3. Взаимодействие синонимии и антонимии в составе тематических групп	282
Глава V. Синонимия устойчивых сравнений и многозначность	307
§ 1. Синонимические отношения УС-моносемантов	310
§ 2. Синонимические отношения УС-полисемантов	322
Заключение.....	366
Библиография	375

*Фразеологам — моим учителям
и коллегам — посвящаю эту книгу*

Введение

В монографии рассматриваются особенности проявления синонимических отношений в системе устойчивых сравнений русского языка. Термин «устойчивое сравнение», который употребляют, в частности, К. М. Гюлумянц, В. М. Огольцев, В. М. Мокиенко, И. В. Кузнецова, Л. А. Лебедева, Л. Б. Воробьева, М. Л. Ковшова, А. Г. Алёшин и многие другие, в лингвистической литературе имеет целый ряд эквивалентов: «компаративный фразеологизм» (О. М. Неведомская, В. Н. Телия, А. И. Бурлак, А. В. Кунин, Н. Н. Амосова, Н. И. Чернышёва, Н. М. Сидякова); «устойчивый сравнительный (компаративный) оборот» (Л. И. Ройзензон, И. А. Ковалёва, С. И. Ройзензон); образный сравнительный оборот (Я. Г. Биренбаум); «сравнение-фразеологизм» (М. И. Черемисина); «фразеологизированная (фразеологическая) сравнительная конструкция» (М. Л. Ковшова, Л. Д. Игнатьева), «устойчивое компаративное сочетание» (М. Н. Судоплатова). Используются также наименования «сравнения-эталоны», «сравнения-стереотипы», «сравнительные фразеологизмы», «постоянные сравнения», «народные сравнения». Первый термин — **устойчивое сравнение** — следует признать наиболее употребительным¹. В зарубежной лингвистике для

¹ Во избежание тавтологий наряду с ключевым термином «устойчивое сравнение» мы будем использовать

обозначения устойчивых сравнений используют термины *idioms of comparison* (идиомы сравнения), *idiomatic commonplace similes* (банальные сравнения идиоматического характера), *proverbial similes* (образные сравнения-поговорки); *obvious similes* (букв. «очевидные» сравнения).

Устойчивые сравнения (далее УС) — это образные компаративные единицы языка, которые характеризуются воспроизведимостью, т. е. активно используются носителями данного языка в повседневной речи, причём в неизменном виде. В устойчивом сравнении, в отличие от индивидуально-авторского (или «свободного»), все элементы тесно взаимосвязаны: то, что подвергается сравнению (объект образной характеристики А), то, с чем осуществляется сравнение (образ В) и признак-основание сравнения (С). Например: *бледный, белый, прозрачный как воск* (*о лице, теле, коже человека*). Элемент В (образ воск) связан со строго определённым основанием С (*прозрачно-бледный, белый*) и со строго ограниченным диапазоном элементов А (*лицо, тело человека*). Эта связь компонентов характеризуется постоянством и закреплена в коллективном языковом сознании. Наиболее существенными признаками УС являются: семантическая целостность; устойчивость; воспроизведимость; цельнооформленность; специфическая трёхкомпонентная структура, которая представляет собой языковое выражение логической операции сравнения; наличие формального показателя

наименования «устойчивая компаративная единица» и «компаративный фразеологизм».

сравнительных отношений; образность; как правило, прозрачность внутренней формы; особое компаративное значение. Показателем компаративных отношений в структуре устойчивого сравнения (вслед за В. М. Огольцевым мы условно обозначаем его литерой *m*) является союзчастица, как и её варианты *словно, точно, будто* (реже — *ровно, чисто, что*).

На сегодняшний день существует довольно обширная литература об устойчивых компаративных единицах русского и других языков. Если в 1960–1990-е годы, в соответствии с общими методологическими принципами фразеологии, устойчивые сравнения рассматривались главным образом в структурно-семантическом аспекте, то, начиная со второй половины 1980-х годов, лингвисты стали обращаться к этим единицам с точки зрения отражения в них национального сознания, ментальности, культурных предпочтений и ценностей языкового коллектива. В связи с этим особую актуальность приобретают те аспекты семантики УС, которые связаны с языковой pragmatикой, в частности, проблема **отбора** из целого ряда функционально близких компаративных единиц одной, наиболее уместной и выразительной. Этот вопрос непосредственно связан с синонимией устойчивых сравнений. В настоящей монографии впервые представлено описание наиболее яркого типа парадигматических отношений в системе компаративной фразеологии — отношений семантической близости.

В первой главе рассмотрена теоретическая база исследования: на фоне анализа основных

аспектов научного описания фразеологической синонимии в целом выявляются некоторые частные особенности синонимии устойчивых сравнений. **Во второй главе** представлен анализ синонимических рядов в составе идеографических (тематических) групп УС. **В третьей главе** рассмотрены образы сравнений, составляющих синонимические ряды, в аспекте возможных отношений между ними. **В четвертой и пятой главах** рассматриваются взаимоотношения между синонимией и другими проявлениями парадигматики устойчивого сравнения: антонимией и многозначностью. Такой комплексный семантический анализ системы устойчивых сравнений русского языка в аспекте их парадигматических связей и отношений предпринимается впервые.

Явление синонимии и тесно с ним связанное явление вариантности УС, во-первых, наглядно показывают системный характер воспроизведимых компаративных единиц в языке, во-вторых, они свидетельствуют о внутренней динаминости, присущей структуре УС и их семантике; в-третьих, они демонстрируют значительность роли устойчивых сравнений в выражении признаков, особенно актуальных и «прагматически активных» в том или ином языковом коллективе. Благодаря устойчивым сравнениям язык получает возможность синонимического сближения не только самих признаков предметов, но и многообразных конкретных, индивидуальных проявлений этих признаков. Понимание тонких оттенков значений УС-синонимов, осознание

нюансов их сочетаемости особенно важно для иностранцев, изучающих русский язык.

Анализ системы УС-синонимов имеет ещё один ракурс практического применения — лексикографическая практика. Одной из насущных задач компаративной фразеографии является создание полного синонимического словаря устойчивых сравнений, опирающегося как на материалы Национального корпуса русского языка, так и на данные ассоциативных экспериментов. Нам представляется, что такой словарь должен быть словарем активного типа: с одной стороны, он должен содержать исчерпывающую информацию о семантических, грамматических, синтагматических, прагматических различиях между УС-синонимами, с другой стороны, — сообщать пользователю сведения об условиях нейтрализации этих различий в речевой практике, о пределах взаимозаменяемости единиц синонимического ряда.

ГЛАВА I

Синонимия устойчивых сравнений как феномен компаративной семантики

§ 1. Теоретические основы исследования: аспекты анализа синонимии в сфере фразеологии

Лингвистика XX столетия, развивавшаяся под влиянием концепции Фердинанда де Соссюра, достигла больших успехов в анализе общих и частных проявлений «системности» на разных уровнях языка. Системе языка традиционно приписываются два основных типа отношений — парадигматические (ассоциативные отношения «по вертикали», или отношения сходства) и синтагматические (отношения языковых знаков в линейном ряду, «по горизонтали», то есть отношения, связанные с законами сочетаемости единиц языка).

Парадигматические отношения, наиболее ярко и последовательно проявляющиеся на уровне морфологии, можно обнаружить на других языковых уровнях, и прежде всего лексическом. Они являются средством структурирования лексики, её упорядочения. Это упорядочение представляет собой весьма сложную, многоступенчатую организацию и в целом подчинено иерархическому принципу. Так, А. А. Уфимцева считает, что парадигматические отношения в лексике проявляются как бы на разных уровнях, которые различаются «по широте охвата

и по степени обобщенности словесных группировок». Наряду с уровнем частей речи, где существуют семантические классы слов, выражающих предметность, признак, действие, и с уровнем семантических категорий, на котором противопоставляются понятия абстрактные и конкретные, А. А. Уфимцева выделяет «уровень лексико-семантических парадигм, например, синонимы, антонимы, лексико-семантические группы, понятийные поля и т. п.» [Уфимцева, 1972, с. 436]. Иерархический характер парадигматических отношений имеет и другой аспект своего проявления. Как отмечает Р. З. Мурясов, семы как элементарные единицы смысла неоднородны по степени отвлечённости, причём любой более конкретный семантический компонент включает в себя более общие компоненты. «Наличие в семантической структуре слова сем разной степени обобщённости приводит к тому, что в лексике обнаруживаются классы слов разного в количественном и качественном отношении объема, базирующихся на семах соответствующих ступеней обобщения. Это обстоятельство позволяет говорить об иерархии парадигм в лексико-семантической системе языка» [Мурясов, 1980, с. 115].

Одним из наиболее ярких аспектов парадигматических системных отношений являются отношения семантического тождества, или **синонимия**. В первую очередь в отечественном языкознании получила глубокое и всестороннее освоение лексическая синонимия литературного языка и говоров: [Шапиро, 1955; Ахманова, 1957;

Сиротина, 1960; Звегинцев, 1963; Неманежина, 1966; Гречко, 1966, 1987; Александров, 1967; Бережан, 1967; Васильев, 1967; Апресян, 1957; 1969, 1974; Уфимцева, 1967, 1972; Палевская, 1964; 1967; Лагутина, 1967; Лукьянова, 1970, Евгеньева, 1966, 1972; Брагина, 1978, 1986; Шмелев, 1973; Шанский, 1964; Степанова, 1963, 1983; Новиков, 1982; Черняк, 1983, 1992]. Исследователи обращались к анализу проблемы взаимозаменяемости синонимов, пытались определить типы различий между лексическими синонимами, рассматривали вопрос о квазисинонимах и оттенках значений.

Были детально разработаны такие важнейшие аспекты этой проблемы, как: признаки синонимов; их классификация; объединение синонимов в ряды единиц с общей, «интегральной» семой; взаимодействие синонимии с многозначностью слова и с антонимией; функции синонимов в речи. В 1960–1990-х гг. большое внимание уделялось методическому и речеведческому аспектам синонимии. Учёные предлагали задания для школьников, связанные, с одной стороны, с изучением синонимии как важнейшего проявления парадигматических связей отдельных слов, с другой стороны, с анализом синонимов как элементов контекста. Придавалось большое значение выработке у школьников умения использовать синонимы в текстах разных стилей, выбирать из синонимического ряда слова или выражения, наиболее подходящие для той или иной речевой ситуации. В работах как методистов, так и специалистов по

лексической семантике последовательно акцентировалась мысль о том, что «от правильного выбора стилистического синонима зависят такие качества речи, как выразительность, чистота и уместность употребления» [Шипицына, 1978, с. 25]. Поскольку употребление синонимических ресурсов русского языка подразумевает квалифицированное использование словарей синонимов, учёные уделяли большое внимание лексикографическому аспекту лексической синонимии. В частности, ставился вопрос об извлечении из словарей сведений о стилистической дифференции слов — членов синонимического ряда, о семантических оттенках, которыми различаются синонимы, о специфике их употребления в связных текстах; об определении уместности того или иного синонима посредством метода эксперимента и мн. др. [Чижова, 1978]. Методисты разрабатывали также проблематику типизации ошибок школьников при употреблении синонимов, в частности, предлагали приёмы ограничения синонимии от случаев, когда слова имеют общий семантический компонент, но синонимами не являются (слова одной тематической группы; единицы, находящиеся между собой в гипо-гиперонимических отношениях; формы одного и того же слова; лексемы, являющиеся результатом детского словотворчества и др.) [Смирнова, 1976].

Пожалуй, одно из наиболее точных и детальных определений лексической синонимии дал В. А. Гречко: «Лексические синонимы <...> — это равнозвучащие слова, которые в известный

период языкового развития языка обозначают одно и то же понятие. Понятийное тождество слов выражается в совпадении классификационных признаков значений; иными словами, — в наличии общей логической схемы, позволяющей идентифицировать обозначаемые предметы, действия, качества и т. д.» [Гречко, 1987, с. 35]. Автор приведённой цитаты подчёркивает, что тождество упомянутой схемы вовсе не исключает своеобразия значений членов синонимического ряда, наоборот, оно является базой для констатации индивидуальных оттенков значений, различий в эмоционально-экспрессивной окраске, сфере употребления, сочетаемости.

По аналогии с синонимическими связями слов стала разрабатываться обширная проблематика подобных отношений между единицами других уровней: синонимия аффиксов, или словообразовательная синонимия [Черкасова, 1962; Немченко, 1984; Орлова, 1984; Огольцева, 2001, 2005; Осильбекова, 2013, 2016], синонимия и вариантность грамматических форм [Емельянова, 1974; Горбачевич, 1976]; синонимия конструкций — словосочетаний и предложений [Рихтер, 1937; Ковтунова, 1955; Шендельс, 1962; Шипицына, 1978; Максимов, 1966; Сухотин, 1960; Кононенко, 1967, 1970; Глинкина, 1971; Зинченко, 1973], «межуровневая» синонимия слов и словосочетаний [Вукович, 1971; Пятницкий, 1980; Хантакова, 2006; Коркина, 2005; Дзюба, 2008], синонимия и вариативность пословиц [Гвоздев, 1983; Селиверстова, 2010; Ковшова, 2021]. Правомерность такого широкого подхода к синонимии была воспринята как аксиома: «<...>

Поскольку синонимия — это особый тип смысловых отношений в языке, а не список слов-синонимов, такими отношениями могут быть связаны любые единицы языка, обладающие значением, т. е. не только слова. Поэтому существуют синонимические словосочетания, словоформы, морфемы» [Шипицына, 1978, с. 25].

На современном этапе развития отечественной лингвистики особую значимость обретает новое «прочтение» такой старой проблемы, как соотношение «семантической близости» и « тождества»; этот аспект исследования синонимии раскрывается на граничье между лингвистикой и логикой [Семёнова, 2008]. Исследование синонимии получило новый импульс в связи с активизацией внимания ученых к когнитивному ракурсу ситуации выбора между несколькими эквивалентными способами языкового выражения [Шумилова, 2009; Киселева, 2012].

Одна из наиболее значительных работ последних десятилетий, в которой предпринят комплексный анализ теоретических достижений лингвистики XX века в изучении синонимии — монография В. М. Хантаковой, в которой детально рассмотрены критерии и принципы выделения синонимов в лексике, морфологии, синтаксисе, показан языковой изоморфизм между единицами разных уровней, предложен интегративный подход к синонимии, подразумевающий «согласованное представление словарных, просодических, грамматических, контекстных данных синонимов в их взаимообусловленности и взаимодействии» [Хантакова, 2006, с. 47].

Начиная с середины XX века, с зарождением фразеологии как особой научной дисциплины, учёные рассматривают дискуссионный вопрос об уровневом статусе устойчивых словосочетаний [Жуков В. П., 1962, 1967, 1974, 1978; Жуков А. В., 1975, 1984] и, в связи с этим, о возможных отношениях между ними. Появление специальных научных исследований, посвящённых синонимии фразеологических единиц (далее — ФЕ) и тем более появление словарей фразеологизмов-синонимов [Клюева, 1961; Александрова, 1969; Евгеньева, 1975; Жуков, Шкляров, Сидоренко, 1987; Апресян, Богуславская, 2000; Горбачевич, 2001], было бы невозможно без решения кардинальных проблем фразеологической теории: специфика фразеологизма как знака; категориальные признаки фразеологизма; устойчивость и идиоматичность как ключевые признаки ФЕ; природа фразеологического значения, его отличие от лексического; место фразеологизма в ряду «смежных» языковых единиц; природа «компонентта» фразеологизма; сопоставление трёх основных номинативных единиц (слово — фразеологизм — словосочетание); внутренняя форма фразеологизма как источник его образности; классификация фразеологических единиц по степени спаянности компонентов, по стилистической окраске и другим признакам: [Алефиренко, 1978, 1985, 1987; Архангельский, 1964 (а), 1964 (б), 1978; Бабкин, 1970; Байрамова, 1985; Балакай, 1977; Бондаренко, 1979; Виноградов, 1972, 1977; Гаврин, 1973; Гак, 1970; Гвоздарев, 1977; Жуков В. П., 1978, 1978 (а), 1983, 1984; Иванникова, 1964; Ларин, 1977; Мелерович,

1975, 1979; Мельчук, 1960; Мокиенко, 1989; Молотков, 1977; Телия, 1968 (а), 1972, 1996; Шанский, 1985].

Первые ростки научного описания фразеологической синонимии появились примерно в середине XX века. Несмотря на то, что «синонимия фразеологических единиц занимает очень большое место во фразеологической системе любого языка, <...> в довоенной языковедческой литературе эта проблема не являлась ещё предметом специального лингвистического анализа, хотя отдельные указания на само её наличие в языке мы находим в некоторых статьях. Вероятно, это и явилось причиной того, что составители толкового словаря русского языка фразеологическую синонимию лексикографически не разрабатывают» [Ройзензон, Малиновский, Хаютин, 1975, с. 111].

Начиная с 50-х годов XX века к проблеме синонимии так или иначе обращались все известные лингвисты «классической» отечественной фразеологии. Именно с этот период началось постепенное преодоление смешения фразеологических синонимов и фразеологических вариантов. Сущность фразеологических синонимов в специальной литературе определяется по-разному, но большинство учёных ещё в 60-е годы XX века в качестве важнейших критериев ФЕ-синонимов указали общность трёх признаков — понятийный компонент, предметная отнесённость, сочетаемость: «Как и слова, фразеологизмы вступают в синонимические отношения только тогда, когда они, помимо

единства в понятийном элементе, имеют одинаковую предметную отнесенность и валентность. В случае, если фразеологические единицы разнятся в одном из этих компонентов своего значения, синонимичность не возникает» [Сидоренко, 1967, с. 192]. Однако далее учёный даёт понять, что третий критерий не только по отношению к фразеологии, но и по отношению к лексике может быть использован лишь с большой натяжкой: «<...> единицы не синонимичны только в случае абсолютной несовместимости их валентности; если же слова или фразеологизмы расходятся характером сочетаемости лишь частично, факт синонимии нужно признать» [там же, с. 193]. Важно отметить, что М. И. Сидоренко обратился к анализу парадигматических и синтагматических отношений в сфере фразеологии в связи с конкретными практическими задачами издания словаря [Сидоренко, 1964, 1965, 1967, 1982]. Сопоставляя задачи лексического словаря синонимов и словаря фразеологического, М. И. Сидоренко отмечает: «В синонимическом ряду фразеологических единиц дело обстоит гораздо сложнее. Идеографические синонимы, которые составляют по нашим подсчётом примерно 50 % синонимического состава русского языка, в большинстве случаев равноправны по характеру отнесённости к общему значению синонимической группы, т. е. вносят, каждый по-своему, новый, дополнительный оттенок в его содержание, а стилистические синонимы чаще всего образуют целые группы однородных по сфере употребления и эмоцио-

нально-экспрессивной окрашенности единиц» [Сидоренко, 1965, с. 111]. Далее автор убедительно подтверждает верность данного наблюдения анализом синонимического ряда с общим значением «обмануть, ввести в заблуждение». Как мы увидим далее, положение М. И. Сидоренко вполне актуально и для синонимических рядов УС: как правило, в таких рядах нет доминанты, так как 1) значения всех УС равноправны по отношению к общему значению; 2) все они стилистически не нейтральны. В связи с отмеченными выше особенностями М. И. Сидоренко считает правильным в структуре словарной статьи в качестве опорного фразеологизма давать так называемую «идеограмму» — слово, словосочетание или предложение, которые отражают общее в семантике всех членов ряда [там же, с. 112–113].

Важная часть концепции М. И. Сидоренко — его требование к словарю фразеологических синонимов: этот словарь должен быть **только-вым** — таким, который мог бы показать все стороны «жизни синонима»; он должен содержать сопоставление семантики членов синонимического ряда: «Так как общее значение синонимического ряда передаётся идеограммой, то при объяснении следует останавливаться только на отличительных признаках синонимов, причем раскрывать специфические свойства каждого синонима в отдельности» [там же, с. 114]. М. И. Сидоренко подробно останавливается на таких важных компонентах словарной статьи, как показ всех фразеологических

вариантов единицы, стилистические пометы, иллюстративный материал.

Один из соавторов Фразеологического словаря синонимов, В. Т. Шкляров, выделил общие признаки лексической и фразеологической синонимии: общность денотата при различии в стилистических оттенках; различие «словесного материала». При этом он отметил и специфику фразеологизмов-синонимов: «<...> Тождества (или близости) значений недостаточно для того, чтобы считать фразеологизмы синонимичными. Ограниченнность, замкнутость связей устойчивых сочетаний также следует учитывать при установлении пределов синонимического ряда» [Шкляров, 1964, с. 228]. К примеру, *ФЕ хоть пруд пруди, хоть лопатой греби, как песку морского, тьма тьмущая, видимо-невидимо* входят в один синонимический ряд со значением «много», но фразеологизм *в три короба* из него выпадает, поскольку сочетается только с глаголами «наговорить», «рассказать». В то же время В. Т. Шкляров отмечает, что «синонимичными могут быть фразеологизмы с различной грамматической отнесенностью»: именные и глагольные фразеологизмы могут «мирно сосуществовать» в одном синонимическом ряду, «что невозможно в лексической синонимии» [там же, с. 228–229]. По отношению к фразеологическим синонимам иначе должна решаться и проблема доминанты. Собственно, В. Т. Шкляров, как и М. И. Сидоренко, констатирует невозможность выделения доминанты во фразеологическом синонимическом ряду, поскольку «все фразеологические

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru